

На вопросы Интернет-директора журнала «Огни над Бией», члена Союза журналистов России **Николая Тимохина**, согласился ответить многократный лауреат всесоюзных и всероссийских конкурсов и фестивалей эстрадной песни, лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства, член правления Международного союза деятелей эстрадного искусства, поэт-песенник, песни на стихи которого есть в репертуаре звёзд эстрады: Иосифа Кобзона, Льва Лещенко, Вячеслава Добрынина, Софии Ротару, Ирины Понаровской, Сосо Павлиашвили, Михаила Боярского, Николая Караченцова, ВИА «Самоцветы», «Весёлые ребята», «Пламя», группы «На-На» и многих других **Михаил Зеликович Шабров**.

Н.ТИМОХИН: Здравствуйте, Михаил Зеликович!

Названием этого интервью послужили ваши слова: «Я не считаю себя поэтом, потому что всегда пишу от имени исполнителей», и ссылались при этом на ваше творческое взаимодействие с Софией Ротару.

И всё же, если вы не поэт, тогда кто же? И кого вы можете выделить из современных поэтов в России? И вообще, есть ли таковые?

М. ШАБРОВ: Я – поэт-песенник. И, по-моему, единственный

из тех, кто пишет стихи для песен, и который так себя называет. Выдающийся мастер песни Леонид Дербенёв, например, терпеть не мог, когда о нём говорили, как о поэте-песеннике. Меня же это нисколько не смущает.

Чтобы было понятно... Работая с Софией Ротару, мы с композитором Владимиром Матецким искали темы для песен, которые бы совпадали с личностью певицы, её сценическим образом. Естественно, стихи писались от её имени. В этих песнях её души и чувств гораздо больше, чем моих. Достаточно вспомнить «Хуторянку» или «Диких лебедей». Кроме того, почти все стихотворные тексты для Ротару, включая «Лаванду», «Луна, луна», «Было, но прошло» были написаны на уже готовую мелодию, и – внимание! – в этом ключ к пониманию того, что отличает Поэта от Поэта-песенника.

Настоящего поэта можно узнать по интонации. Он «пишет, как дышит», поэт-песеннику, особенно в тех случаях, когда он пишет стихи на уже готовую музыку, это «дыхание», эта интонация предоставляется готовой. Кроме того, поэт-песенник должен использовать в работе над песней лексику, речевые обороты, которые находятся в полном соответствии с личностью исполнителя.

Далее, песенные стихи воспринимаются, в первую очередь, на слух, поэтому они должны запоминаться чуть ли не сразу. В обойме песенного текста должны быть обязательно одна, две фразы, которые в сознании слушателя запечатлевались бы, как следы на снегу.

Стихи для песни создаются обязательно по закону драматического произведения, т.е. в них должна быть экспозиция, завязка и развязка. Именно благодаря этим особенностям песенного жанра, я и стал драматургом. Я написал либретто 19 музыкальных спектаклей для детей и одного мюзикла «Сизимок и Бабинук», за который и получил лауреата Пермского края.

И последнее. У поэта, пишущего стихи, нет необходимости практически каждый раз загонять себя в куплетно-припевную форму и также каждый раз укладывать содержание стихотворение в 3-4 четверостишия. Поэт абсолютно волен в своём творчестве.

К сожалению, не могу не сказать об этом, последние четверть века ввиду полного отсутствия художественной

цензуры, уничтожения института редакторов, и не только поэтому, наметилась чёткая тенденция графоманизации эстрадной песни. Впрочем, об этом совершенно замечательно написал Валентин Гафт в стихотворении, посвящённом Юрию Визбору. Там есть такие строки:

Попса дробит шрапнелью наши души.
Её за это не привлечь к суду.
Часть поколенья выросла на чуши,
И новое рождается в бреду.
Слова – ничто! Есть вопли вырожденья...

И так далее. Думаю, что и этого достаточно.

...Настоящих поэтов в России всегда хватало. И, как мне кажется, интерес к подлинной поэзии начинает возрастать.

В конце прошлого года я познакомился в Доме кино с 15-летним поэтом Олегом Печерниковым. Стихи он пишет с 7 лет. У него уже вышло, если я не ошибаюсь, три сборника стихов (слава Богу, что мир не без добрых людей.) Вот у него уже есть своя интонация. И он не представляет своей жизни без поэзии. У Олега трудная и драматичная судьба, и во многом благодаря увлечению поэзией, он сегодня живёт полноценной жизнью. Как подметил известный канадский композитор, музыкант, певец Леонард Козн: «Поэзия – это доказательство жизни. Если твоя жизнь пылает, поэзия – её пепел». Жизнь Олега сегодня пылает. Как он сам написал в одном из стихотворений, когда ему было 12 лет, «я не могу жить без стихов своих! Все мои мысли – это вдох, а выдох – стих».

Те, кто захотят познакомиться с творчеством Олега, легко найдут его стихи в интернете.

Н. ТИМОХИН: Вы филолог по образованию. Хотелось ли вам когда-либо работать в школе? Как вы оцениваете современную систему образования? И как обучить народ грамоте?

М. ШАБРОВ: Последний вопрос явно не ко мне, потому что никогда не был специалистом в области организации учебного процесса. К тому же считаю, что начальной грамоте народ обучен. Другое дело, как я оцениваю современную систему образования в России?

Лично мне она не нравится. Я считаю, что мы напрасно отказались от академического метода преподавания, принятого в советской школе – одной из самых лучших в мире. И это уже не только моё мнение.

Мне не нравится ЕГЭ. Мне не нравится, я просто в ужасе(!) оттого, что сокращаются часы на изучение русского языка, литературы. Школьники не умеют писать сочинения. Это значит, что они не умеют думать, анализировать, делать выводы. Это значит, что из него никогда не получится высокого класса специалист, да и просто специалист. Становится не смешно, а грустно, когда читаешь ответ школьника на традиционный после каникул вопрос: «Как я провёл лето?», – «Интернет, еда. Всё». И это тоже издержки современного образования.

...Для того, чтобы работать в школе, нужно иметь педагогический талант и терпение. Ни того, ни другого у меня нет. Я это понял давно, поэтому счастлив тем, что на моей совести нет ни одной искалеченной детской души.

Н.ТИМОХИН:

Вы участник многих памятных телевизионных фестивалей «Песня года» ещё в советские времена. Этот фестиваль и сейчас продолжает свою традицию, только сильно отличается от предыдущих.

Как вы относитесь к нынешним лауреатам этого фестиваля? Не хочется ли вам в душе покритиковать их песни? Или, быть может, вы считаете это новым веянием в музыке?

М.ШАБРОВ: В ответ могу лишь только продолжить цитировать Валентина Гафта.

Слова ничто! Есть вопли вырожденья.

Тот знаменит, кто больше нездоров,

Кто выйдет петь без всякого стеснения,
Без совести, без страха, без штанов.
Где песня, чтобы спеть её хотелось,
Слова где, чтоб вовеки не забыть?
Ну, что горланить про кусочек тела,
Кто, с кем когда-то хочет жить!
С телеэкрана, как из ресторана,
Для пущей важности прибавив хрипотцы,
Они пудами сыпят соль на рану,
Как на капусту или огурцы.

Мне кажется, что с помощью Валентина Гафта я дал исчерпывающий ответ на ваш вопрос. Единственное, что я могу уточнить, а не добавить, телевизионный фестиваль «Песня года» напрочь ушёл от традиций, которые в нём существовали. Он перестал быть фестивалем авторов песен (композиторов и поэтов), как это было в советское время, он перестал быть фестивалем, представляющим песню во всём её жанровом разнообразии, он стал фестивалем узкого круга исполнителей и отчасти авторов, приближенных к руководству художественного вещания федеральных каналов. По большому счёту, почти все музыкальные телевизионные программы – это один большой корпоратив, где нет и не может быть в силу отсутствия конкуренции никаких новых веяний, тем более в музыке, где после того, как мы «похоронили» то, что называлось «советской песней» с её яркой неповторимой мелодичностью и лиричностью, тихо плетёмся в хвосте западного шоу-бизнеса.

Н.ТИМОХИН: Как известно новое – это хорошо забытое старое. Ваши песни «Было, но прошло», «Хуторянка», «Луна, луна» будут слушать ещё на протяжении долгого времени. А как творцам современных хитов надо так забыть старое, чтобы у них появилось непревзойдённое новое?

М. ШАБРОВ. Старое забывать не надо. «Народ, который забыл своё прошлое, не имеет будущего». Сказано о глобальном, но и к музыке, и к песне имеет непосредственное отношение. Если я и достиг каких-то высоких творческих результатов, то благодаря тому, что я учился песенной поэзии у таких мастеров, как Леонид Дербенёв, Игорь Шаферан, Михаил Пляцковский, Михаил Танич, Анатолий Поперечный.

Мне повезло, я ещё имел счастье общаться с ними. Без преувеличения – это и были мои песенные университеты.

Хуже ничего нет, чем Иваны, не помнящие родства. И творцам, как вы говорите, современных хитов нельзя забывать об этом.

Не знаю, но с моей точки зрения, ни один из молодых или среднего возраста композиторов, не дорос ещё до уровня Оскара Фельцмана, Марка Фрадкина, Эдуарда Колмановского, Матвея Блантера, Арно Бабаджаняна и, слава Богу, ныне здравствующих Александры Пахмутовой, Давида Тухманова, Максима Дунаевского и тех же Юрия Антонова и Вячеслава Добрынина.

Н.ТИМОХИН: Михаил Зеликович, с кем из звёзд советский эстрады, для которых вы писали свои хиты, продолжаете общаться?

М.ШАБРОВ: Я получаю удовольствие от общения со своей семьёй, близкими друзьями, среди которых артисты, врачи, архитекторы, юристы...

Из представителей звёзд советской, а теперь и российской эстрады исключение составляет Вячеслав Добрынин, с которым нас связывают узы многолетней дружбы, в том числе и творческой. В 2002 году я даже книгу о нём написал «Вячеслав Добрынин – Доктор Шлягер».

Н.ТИМОХИН: Читатели нашего журнала мне не простят, если я у вас не спрошу про Софию Ротару. Вы так много и тесно сотрудничали с ней. Что вам особенно запомнилось в вашей совместной работе? Какие в ней были наиболее интересные моменты?

М.ШАБРОВ: Мы понимали друг друга с полуслова. Мы – это Соня, её муж и музыкальный продюсер Анатолий Евдокименко, я и Володя Матецкий. Мы работали в удовольствие, а потому с азартом. Иначе ничего бы не получилось.

Ротару – великая певица. Помимо красивой внешности и богатого по силе и тембру голоса, она, как и все большие артисты, обладает экстрасенсорными качествами. Она умеет подчинить своей воле многотысячный зал.

Мне запомнился один из концертов Ротару в Казани, во Дворце спорта. Он был второй по счёту в этом зале, который вмещал более пяти тысяч человек. Про аншлаг говорить не надо. Это само собой разумеется на концертах Ротару. Я стоял

за кулисами, но близко к сцене. Мне сразу не понравилась атмосфера в зале. В ней чувствовалось напряжение, и я бы даже сказал какое-то противостояние с артистом, который должен был выйти на сцену.

Предчувствие не обмануло. Прозвучали первая, вторая песня... Обычно зал сразу заводился, а тут довольно скромные аплодисменты. «В воздухе пахло грозой». Во время проигрыша, звучавшего в третьей песне, в котором на первое место вышли солисты балета «Тодес», выступавшие вместе с Ротару, Соня подошла к кулисам. В её глазах я увидел молнии. Она смахнула капельки пота со лба и, почти не разжимая зубов, сказала, обращаясь ко мне:

- Смотри, как я сейчас их сделаю!

Энергетический поток, шедший от певицы, сначала вдавил зрителей в кресла, а потом заставил взорваться радостными эмоциями, разом покончившими с противостоянием. Зрители сдались на милость победителя. Каждая следующая песня сопровождалась овацией. Концерт окончился, но зрители ещё долго не хотели отпускать певицу со сцены.

... Дойдя до гримёрки, она почти в полуобморочном состоянии рухнула на диван.

Думаю, за этот концерт она потеряла в весе несколько килограммов. Про здоровье я уже и не говорю. Триумф всегда стоит дорого.

Н.ТИМОХИН: Михаил Зеликович, находите ли вы время на чтение? Что предпочитаете читать? И что порекомендуете молодёжи?

М.ШАБРОВ: Конечно, нахожу. Отдаю предпочтение классике. Не так давно перечитал «Воскресение» Льва Толстого, «Мёртвые души» Николая Гоголя.

Для меня почти настольной стала книга французского писателя Мишеля Уэльбека «Возможность острова». Я её периодически перечитываю. Очень глубокая и умная книга, заставляющая задуматься о завтрашнем дне человечества. Контуры этого дня видны уже сегодня.

Из самых последних книг, которые я прочитал, перечитал – это «Лирика» Саши Чёрного, «Русские или из дворян в интеллигенты» Станислава Рассадина, «Окаянные дни» Ивана Бунина и «Записки городского невротика» моего любимого режиссёра и актёра Вуди Аллена.

А что касается рекомендаций, тем более молодёжи, то я не гуру, чтобы их давать. Знаю только одно, если человек не читает книги, то он в своём развитии недалеко ушёл от обезьяны.

Н.ТИМОХИН: При упоминании Беларуси, мне представляются Беловежская пуца, белорусские партизаны и ВИА «Песняры».

Михаил Зеликович, а что для вас Беларусь и чем она особенна?

М.ШАБРОВ: Я родился и вырос в Москве. Правда, вот уже 6 лет живу в деревне, но под Москвой. В общем, россиянин. Но... Чем может быть для меня Беларусь, если там родились, выросли и познакомились мои родители, если там родились и выросли мои родные дяди и тётки, если там во время войны фашисты расстреляли моего деда? И наша с женой невестка из Пинска.

Я на генетическом уровне повязан с Беларусью. Об этом ещё свидетельствует и то, что моими любимыми с детства блюдами является картошка в мундире и, конечно, драники со сметаной.

Н.ТИМОХИН: Михаил Зеликович, наша с вами беседа, стала настоящим сюрпризом не только для меня, но и для читателей журнала «Огни над Бией».

Что вы нам всем можете пожелать?

Н.ШАБРОВ: Как можно больше и чаще приятных сюрпризов в жизни. И, конечно, удачи. Без неё трудно.

